АВСЕНЬ.

— Груша что–то затѣваетъ, — сказала одна изъ трехъ дѣвокъ, сошедшихся въ авсень, Васильевъ или богатый вечеръ на улицѣ. Трескучій морозъ донималъ ихъ порядочно, сквозь башмачки съ чулочками и ситцовыя юпчонки, хотя онѣ и кутались подъ самый носъ и уши куценькими штофными шубейками, съ красивыми, нашитыми на тесьму сборками по заду лифа. — У нея вишь все свои затѣи, сказала подтягивая одну ножку подъ себя другая подружка, пониже всѣхъ ихъ ростомъ, но пребойкая и превлюбчивая, какъ знатоки замѣчали по скорому и мягкому говору ея, а еще болѣе по быстрымъ, искательнымъ глазамъ. — А что, продолжала она, не хочетъ, что–ли, съ нами погадать? — Да видно что не хочетъ, — отвѣчала другая, болѣе рослая и бѣлолицая, подувая подъ шубейкой въ кулакъ и переступая съ ноги–на–ногу, — она приговариваетъ что–то вишь

будто голова болитъ; хоть приду — не приду, говоритъ, а не ждите. — Ой, Груша, Груша, подхватила опять быстроглазенькая, много въ тебѣ блохъ! Ну, Богъ съ нею; и безъ нея повеселимся, да скажемъ завтра ребятамъ, чтобъ ее подразнить маленько! По домамъ, голубушки, прощайте, на мѣстѣ не устоишь, студено; морозъ такъ живое тѣло и донимаетъ! Собирайтесь же! И всѣ три разбѣжались.

Между тѣмъ въ просторной и чистой избѣ большаго села, или посада, три дочери хозяйскія приготовляли все для пріема гостей и для святочнаго гаданья. Стали сходиться дѣвушки, обращаясь съ обычными привѣтствіями и пожеланіями къ хозяевамъ, а за тѣмъ со смѣшками и шушуканьемъ къ дочерямъ ихъ, одѣтымъ въ шелковые сарафаны со сборчатыми, напускными шейными рукавами, и убравшимъ приглаженныя головы свои поднизями, а косы лентами. За тѣмъ начали показываться и парни, входя очень скромно и чинно и расправляя лѣвой рукой волосы на лбу, послѣ каждаго поклона иконамъ,

хозяевамъ и гостямъ. Только по плутовской улыбкѣ инаго изъ нихъ было знать, что онъ встрѣтилъ тутъ въ числѣ подружекъ ту, которую надѣялся увидѣть; а когда стали садиться для гаданья вкругъ бранаго стола, то наша быстроглазенькая, перемигнувшись съ рослою подругою своею, сказала одному молодцу: «чего ты сердечный оглядываешься? Груши нѣтути,» и это была первая шутка, сдѣлавшая переходъ отъ чинности къ веселью.

Собрали кольца, перстеньки, сережки, одинъ снялъ и подалъ ключъ съ пояса, другой шутникъ гребенку, — и все это вмѣстѣ съ ломтиками хлѣба положили въ чашку, покрыли ширинкой и спѣвъ чинно пѣсню хлѣбу и соли, принялись за подблюдныя пѣсни, вынимали изъ–подъ ширинки поочередно, что кому приходилось, и пророчили будущее, большею частію съ намеками на настоящее; тамъ пропѣли, послѣднему, *Дорогая моя гостейка*, свадебную пѣсню, и принялись хоронить золото; за золотомъ пошли опять гаданья разнаго рода, гдѣ всякій

выдумывалъ и пригадывалъ свое, кто чему былъ гораздъ. Тутъ и куръ снимали съ нашести, водили лошадей черезъ оглоблю, вызывали собакъ лаять, кидали башмакъ черезъ ворота, бѣгали съ лучиной, считали сучки въ полѣнѣ, дергали рубами солому изъ омета, прислушивались на перекресткѣ и наконецъ лили воскъ и олово.

Все это шло своимъ чередомъ, шумное веселье заглушало всякое иное чувство или воспоминаніе и во весь вечеръ и ночь никто не заботился о Грушѣ, которая, какъ мы видѣли, оказалась не здоровою и осталась дома.

Груши однако же въ это время не было и дома; она тамъ сказала что идетъ на святочныя посидѣлки. Она не совсѣмъ солгала и точно была на посидѣлкахъ — но на какихъ? Она была одна, не пригласила никого съ собою и никому не сказала что затѣяла. Груша рѣшилась, отогнавъ отъ себя всякій страхъ, дознаться наконецъ о будущей судьбѣ своей, во что бы ни стало. Она одѣлась, какъ въ гости, въ щегольской, шелковый сарафанъ свой, съ кисейными

напускными рукавами, причесалась, повязала повязку съ богатою поднизью, накинула на себя шубейку, на–голову платочекъ, но сошедъ съ крылечка, быстро повернула на лѣво, то есть не къ воротамъ, а къ задворью. Пробѣжавъ подъ стѣнкой мимо коровника и конюшни, сарая, амбара, она перескочила небольшой промежекъ и вошла къ банькѣ, стоявшей на самыхъ задахъ, гдѣ уже начинался коноплянникъ.

Едва переводя духъ, она осторожно притворила за собою двери передбанника, вошла въ баню — морозъ пробѣжалъ у нея по хребту — но она еще разъ ощупью воротилась къ наружнымъ дверямъ, засунула засовъ, опять вошла въ баню, осмотрѣла противъ неба продушину или оконце, хорошо ли оно закрыто, вырубила огня и зажгла лучину. Банька освѣтилась и къ одному углу, между полкомъ и лавкой, стоялъ столикъ, накрытый столечникомъ, а на немъ два прибора, то есть по бѣлой, съ синими разводами и точками тарелкѣ, по ножу, деревянной ложкѣ и по утиральнику; передъ приборами стоялъ хлѣбъ, соль,

складное зеркальце, обклеенное, какъ и самый ларчикъ, красной переплетною бумагой и двѣ свѣчи, въ грубыхъ деревянныхъ шандалахъ. Груша со страхомъ перекрестилась, оглянулась, зажгла обѣ свѣчи, разставила ихъ по обѣ стороны зеркала, взяла лежавшій въ углу на лавкѣ мѣшокъ и осторожно положила его поближе къ столу. По голосу, который при этомъ случаѣ раздался внезапно изъ мѣшка, надобно было догадываться, что въ немъ сидитъ пѣтухъ. Она сѣла за столъ, вздрогнула нечаянно, увидавъ себя въ зеркалѣ, сложила на груди ладони, тяжело но тихо вздохнула и взявъ съ рѣшимостію ножъ, очертилась имъ, приговаривая трижды: Суженый–ряженый, приди ко мнѣ ужинать!.... Въ первый разъ она сказала это почти шопотомъ и вздрогнула услышавъ свой голосъ; но она смѣло возвышала его и въ третій разъ проговорила заклинаніе громко и твердо, только потупивъ глаза. Все стихло, красавица одиноко и молча сидѣла за своимъ приборомъ, глядѣла въ зеркальце и съ видимымъ напряженіемъ

удерживла голову свою постоянно въ этомъ положеніи.

Прошло нѣсколько времени — и она вдругъ вздрогнула. Кто–то стучался у дверей. Дыханіе ея стало чаще, алый румянецъ бросился въ шею и щеки. Стукъ усиливался; у отдушины, надъ гадальщицей, послышались голоса; вѣтеръ завывалъ, собаки залаяли, кто–то сталъ сильно дергать и качать наружныя двери, смрадный запахъ, какъ отъ жженой кожи, разнесся по банѣ.... Груша сидѣла, не шевелясь; виски стучали, дыханіе спиралось у нея въ груди, которая высоко волновалась.

Наружная дверь бани сильно заскрипѣла на крюкахъ, какъ она всегда дѣлывала, когда ее не приподымали отворяя; затѣмъ ее опять захлопнули. Груша услышала топотъ, вторыя двери пошатнулись — но она потупила взоры и не оглядывалась.... кто–то ступилъ раза два и сказалъ ласковымъ голосомъ: Красавица моя, уточка золотая, сизая голубка, любъ ли я тебе? —

Теперь только Груша, обомлѣвъ почти по наружности, но сохраняя полную волю и сознаніе, зачуралась еще разъ потихоньку и взглянула на гостя. Это былъ ловкій молодой парень, въ синей сибиркѣ по колѣни, подпоясанный алымъ шелковымъ поясомъ; полосатые шаровары заложены были въ сапоги, за–поясомъ голицы, а въ рукахъ шляпа со свѣтлой пряжкой и тремя павлиньими перьями. Онъ умильно глядѣлъ на дѣвушку, разглаживая пальцами едва пробившійся усъ свой.

Груша глядѣла на него прямо большими глазами своими, не смигивая и грудь ея сильно колыхалась: на лицѣ ея было написано какое–то недоумѣніе, будто она не знала радоваться ли или плакать. — Ты похожъ на Ѳедота, сказала она, мягкимъ голосомъ, но ты не Ѳедотъ?....

— Мало ли Ѳедотовъ на бѣломъ свѣтѣ, сказалъ суженый — я вотъ весь передъ тобой — гляди: любка моя, голубка моя, да урони ненарокомъ слово ласковое: любъ ли я тебѣ?

— Воля батюшкина, сказала она тихо, и все смотрѣла на него во всѣ глаза, блѣдная какъ полотно.

— Что батюшка, сказалъ тотъ, красавица ты моя, бѣлолицая, бѣлогрудая, русокосая — у меня кони готовы — ѣдемъ?

— Такъ только сиротъ круглыхъ у насъ берутъ, молвила она, чтобъ для почету отца–матери и кладки не положить. —

— А что кладки за тебя? Что запросятъ, то и положимъ! Чернобровая моя, за этимъ не постоимъ! Никто на селѣ у васъ кладки не дастъ отцу твоему супротивъ меня!

— Такъ поди съ Богомъ, продолжала она — когда рожь, тогда и мѣра; свата пришлешь, отецъ–мать разсудятъ.

— Лебедушка ты моя, вскричалъ суженый, и бросился было прямо къ ней — она ахнула, сильно вздрогнула и отклонилась назадъ, но суженый самъ отскочилъ, протянувъ руки до очерченнаго круга. Лебедушка ты моя, продолжалъ онъ, заломивъ руки, да полно, разжалобись до меня, выдь сюда, поѣдемъ! Кони лихіе, сани ковромъ укрыты!

— Да и мнѣ зазорно будетъ, продолжала она, успокоившись нѣсколько, засмѣютъ, застыдятъ подружки: неужто ты мнѣ ничего не принесъ гостинца? Безъ подарочковъ отъ суженаго дѣвка за мужъ нейдетъ.

— Говори, павочка моя, за гостинцемъ ли дѣло станетъ. Проси чего хочешь, все есть, все готово.

— Сарафанъ матерчатый, сказала она, медленно и со страхомъ, коли не поскупишься, да шубейку штофную на бѣлкахъ, да смотри на голубенькихъ, чтобы не стыдно было изъ–за тебя глазъ показать.... кокошничекъ, чтобъ было подъ чѣмъ русу косу схоронить, оплакавъ свою дѣвью–красу, какъ пойду за тебя, своего разорителя.... плать шелковый, да хоть нитокъ пятокъ жемчугу....

Она остановилась оробѣвъ, языкъ и губы ея шевелились, но духъ захватило и голосъ осѣкся: суженый доставалъ изъ–подъ–полы, ровно изъ сундука, каждую вещь, которую она называла и клалъ передъ нею на приступокъ полка, довольно ярко освѣщаемый двумя свѣчами. Она

испугалась, что такъ поспѣшно назвала сподрядъ все, что приходило ей на умъ, потому что ей слѣдовало удержать суженаго до вторыхъ пѣтуховъ, иначе онъ могъ ее увезти, и удержать именно заговаривая его спросомъ подарковъ; но по два раза нельзя было назвать при этомъ ни одной вещи. Она знала также, что если осѣнить украдкою крестнымъ знаменіемъ каждой подарокъ, то онъ оставался при ней, послѣ того какъ суженый пропадалъ; но Груша не рѣшилась на это, потому что считала это грѣхомъ и что сверхъ того, по расказу одной знающей старушки, всѣ вещи эти бываютъ краденыя и хозяева легко молги бы опознать на ней свое добро. Ей хотѣлось только испытать ворожбу и гаданье это, увидать своего суженаго и уйти. Но какъ теперь отъ него отдѣлаться? Онъ начиналъ приставать все смѣлѣе и настойчивѣе, положилъ уже на лавку, по новому требованію Груши, нѣсколько денегъ, коты, поясокъ златотканый, серги, перстень, чулочки.... болѣе она въ страхѣ ничего не могла придумать, стала въ ужасѣ

оглядываться, будто искала какого нибудь спасенія — и суженый, то съ ласкою, то съ угрозой, приступалъ все ближе, укорялъ ее, что онъ все исполнилъ, ему ѣхать пора, а онъ безъ нея не поѣдетъ, и протягивалъ за нею руки.... У нея до этого осталось столько памяти, что она сидѣла на мѣстѣ, гдѣ зачуралась и очертилась, но голова ея шла кругомъ, она теряла сознаніе и соображеніе.... вдругъ увидѣла она около себя мѣшокъ, потянула его къ себѣ и стала давить и щипать пѣтуха, чтобы вымозжить изъ него спасительный крикъ; но пѣтухъ упорно молчалъ и разъ только подалъ какой–то невѣрный голосъ, болѣе похожій на крикъ преслѣдуемой курицы. Суженый захохоталъ не добрымъ смѣхомъ, лице его начинало измѣняться, пріемы его дѣлались болѣе смѣлыми и рѣшительными, слова дерзкими.... бѣдная Груша взглянула на него и увидавъ какую–то перекосившуюся, страшную рожу, до того испугалась, что вскрикнувъ бросилась къ дверямъ и безъ памяти грохнулась объ полъ.

Суженый кинулся на нее, какъ дикій звѣрь на добычу, задулъ свѣчи, а ее взялъ на–руки, спѣшно выскочилъ съ нею изъ бани, бросился въ парныя сани, стоявшія на задворьи — и лошади помчали ихъ черезъ конопляникъ, огородъ, мимо гуменъ и въ чистое поле. Что бы было съ Грушей, куда бы она дѣвалась — не знаю; но въ это время вдругъ громко закричалъ пѣтухъ, сидѣвшій подъ полстью на однихъ съ ними саняхъ. Вскочивъ въ банѣ съ мѣста, Груша въ безпамятствѣ ухватила съ собою мѣшокъ съ пѣтухомъ и съ нимъ упала, сжавъ его судорожно въ рукахъ; суженый не догадался, что усаживая свою Грушу, усаживаетъ съ нею вмѣстѣ и другаго, незванаго гостя, недруга своего, который и былъ спасителемъ ея.

Вмѣстѣ съ крикомъ пѣтуха, суженаго какъ будто подкинуло изъ саней на сажень; кони, сани и возница словно провалились въ землю — и все вокругъ затихло.

Груша обомлѣла, но она слышала все что около нея дѣлалось и слышала сладкое, спасительное пѣніе пѣтуха. Долго еще не

могла она пошевелиться; наконецъ пришла въ себя, тяжело и мѣрно вздохнула нѣсколько разъ, стала оглядываться и ощупываться и убѣдившись въ спасеніи своемъ горько зарыдала. Между тѣмъ стужа стала сильно донимать ее; она привстала и увидѣла что сидѣла на черной овчинѣ; мѣста же вокругъ себя опознать не могла: все пусто, темно и дико вокругъ, и прямо передъ нею глубокій яръ. Ей чудилось даже, будто въ оврагѣ этомъ слышны какіе–то дикіе голоса и свистъ, а по временамъ блещетъ пара огненныхъ глазъ: но она быстро отвернулась, взяла своего вѣрнаго пѣтуха, укуталась шубейкой и скорыми шагами пошла отъ пропасти въ противную сторону. Долго она плутала въ холодную и темную ночь эту, наканунѣ Новаго года; она сама постепенно остывала, крестилась, молилась и готовилась на смерть. Пѣтухъ, котораго она не покидала, а грѣла объ него руки, запѣлъ опять: онъ услышалъ чужкимъ ухомъ своимъ отдаленный крикъ своихъ товарищей и Груша, прислушавшись хорошенько,

услышала тоже. Сердце ея ожило, она поспѣшила въ ту сторону и скоро подошла къ своему селу. Укутавшись сколько могла, чтобы кто нибудь не узналъ ее, она скорыми шагами дошла домой, гдѣ никто не искалъ ея, считая ее на святочныхъ посидѣлкахъ. Тихо вошла она въ избу, бросилась на полъ передъ образами и долго съ плачемъ молилась. Тутъ же подняли ее утромъ: она шесть недѣль пролежала въ горячкѣ.